

К.Д. УШИНСКИЙ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ И НАРОДНЫЙ ПЕДАГОГ РОССИИ

© 2023 В. М. Меньшиков

*доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой теологии и религиоведения
e-mail: vladimir.menshikov57@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье на основе анализа педагогического наследия К.Д. Ушинского делается попытка понять, почему К.Д. Ушинский считается педагогическим гением и народным педагогом России. Доказывается, что педагогический гений К.Д. Ушинского состоит в том, что он видел истину воспитания в целом (народное воспитание) и в его конкретных формах (от семейного до высшего образования). Поэтому многие его идеи, даже вопреки различным препятствиям, были успешно реализованы в российском образовании. А многие еще должны войти в нашу педагогику и воспитание.

Ключевые слова: педагогический гений, народный педагог, воспитание, педагогическое наследие К.Д. Ушинского, принцип народности, антропологический принцип, принцип православия, народное воспитание, русская народная школа, семейное воспитание, дошкольное воспитание, народное (начальное) образование, женское и мужское среднее образование, высшее образование, траектория воспитания.

K.D. USHINSKY: PEDAGOGICAL GENIUS AND NATIONAL TEACHER OF RUSSIA

© 2023 V.M. Menshikov

*Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of Theology and Religious Studies Chair
e-mail: vladimir.menshikov57@mail.ru*

Kursk State University

In the article, based on the analysis of the pedagogical heritage of K.D. Ushinsky, an answer is given to the question why K.D. Ushinsky is considered a pedagogical genius and a national teacher of Russia. The article proves that the pedagogical genius K.D. Ushinsky is that he saw the truth of education in general (folk education) and in its specific forms (from family to higher education). Therefore, many of his ideas, despite various obstacles, were successfully implemented in Russian education. And many still have to enter our pedagogy and education.

Keywords: pedagogical genius, folk teacher, upbringing, pedagogical heritage of K.D. Ushinsky, the principle of nationality, anthropological principle, the principle of Orthodoxy, folk education, Russian folk school, family education, preschool education, folk (primary) education, female and male secondary education, higher education, the trajectory of education.

Введение

Каждое историческое время – это кардинально новое понимание К.Д. Ушинского. Неизменно только одно – каждое время, за редким исключением,

оценивает К.Д. Ушинского как подлинного педагогического гения. И сегодня, по прошествии многих лет (по слову поэта, «большое видится на расстоянии» (С. Есенин)), нам необходимо не только повторить вслед за нашими предшественниками: К.Д. Ушинский – это настоящий педагогический гений и подлинно народный педагог России, но и ответить на вопрос, почему он педагогический гений и народный педагог России.

Конечно, кто-то скажет: «Ушинский – народный педагог? Разве можно сравнивать Ушинского с народным поэтом России – Пушкиным?». Да, можно, если понять, что сделали они для русского народа.

А.С. Пушкин стал олицетворением русского языка – мы говорим на его языке. Да, язык создает народ. И об этом просто замечательно сказал К.Д. Ушинский, доказывая, что «язык каждого народа создан самим народом, а не кем-нибудь другим» [16, с. 555]. Но, продолжает он, «приняв это положение за аксиому, мы скоро, однако же, встречаемся с вопросом, невольно поражающим наш ум: неужели все то, что выразилось в языке народа, скрывается в народе?» [Там же]. И он же отвечает на этот вопрос: «Но, в ответ на рождающееся в нас сомнение, из этой же самой – серой, невежественной, грубой массы льется чудная народная песнь, из которой почерпают свое вдохновение и поэт, и художник, и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое с помощью науки и сильно развитой мысли, вдумываются филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова, несущегося из самых отдаленных, самых диких, невежественных времен» [Там же].

Научившись родному языку у своего народа, А.С. Пушкин вернул ему его же язык, но обогащенный, тот современный русский язык, на котором мы говорим сегодня.

Что сделал для русского образования К.Д. Ушинский, мы поймем только в том случае, если осознаем, что и сегодня наше образование, растерзанное множеством реформ и отброшенное ими в четвертый десяток в мировом рейтинге образования, по концепции все равно остается лучшим в мире.

Секрет этого феномена в том, что лучшим в мире по качеству наше образование стало в середине XIX в. И хотя до революции 1917 г. по количественным показателям оно отставало от многих стран Европы, но по качеству оно было одним из лучших.

И советское образование лучшим в мире стало тогда, когда в начале 30-х гг. XX в., после бесконечных реформ 20-х гг., оно вернулось к своей дореволюционной основе. А это образование как раз во многом сделал именно К.Д. Ушинский – своими теоретическими трудами, своими методическими работами, своими учебными книгами.

Да, безусловно, это сделал не один К.Д. Ушинский, подобно тому как не один А.С. Пушкин создал современный русский язык: его, в конце концов, создавал весь народ, вся удивительная русская классическая литература, вся русская культура. Но все-таки создателем, во всяком случае, истинным выразителем современного русского языка стал именно А.С. Пушкин. И вот почему он народный поэт России.

И современное российское образование в середине XIX в. создал не один К.Д. Ушинский, а ученые, общественные деятели, тысячи и тысячи учителей и священников – словом, весь русский народ. И все-таки эталон, фундаментальные принципы, подлинный образец содержания образования, оптимальные методы обучения, позволившие нашему образованию достичь высочайшего качества, сформировал именно К.Д. Ушинский. И вот почему он народный педагог России, подобно тому как А.С. Пушкин – народный поэт России.

Поэтому празднование 200-летия К.Д. Ушинского должно стать не только должным благодарением народного педагога России, но временем подлинного осмысления его педагогического наследия, его значения в судьбе нашей страны

и нашего образования, разумного использования его идей в современном российском образовании.

1. Кого можно назвать педагогическим гением и народным педагогом?

Подлинный гений всегда будет чудом и тайной, которая никогда не будет понята. Об этом очень точно сказал И. Гете: «Явление, подобное Моцарту, навеки пребудет чудом, и ничего тут объяснить нельзя. Да и как, спрашивается, мог бы Всевышний повсеместно творить свои чудеса, не будь у него для этой цели необыкновенных индивидуумов, которым мы только дивимся, не понимая: и откуда же такое взялось» [26, с. 387].

Но, с другой стороны, гений, в том числе и в педагогике, непременно должен выразиться в чем-то кардинально значимом. Гений – это человек, которому дано видеть мир в его истине, который видит дальше других, который по-настоящему видит прошлое, настоящее и будущее, который творит совершенную красоту и добро в их высших формах. Это вполне относится и к педагогическому гению.

Если мы говорим, что К.Д. Ушинский – это гениальный педагог, то ставим его в один ряд с другими гениальными педагогами, такими как Платон и Аристотель, Эразм Роттердамский и Я.А. Коменский. В чем выражается педагогический гений указанных мыслителей? Так, Платон и Аристотель – это гении, потому что они создали основы теоретической педагогики. Эразм Роттердамский – гений, потому что он открыл детский возраст (вспомним, что в Средние века дети изображались, как взрослые, только маленького роста) и тем самым заложил основы будущей новоевропейской педагогики с ее многовековым поиском построения образовательного и воспитательного процесса в соответствии с возрастными особенностями обучающегося. Я.А. Коменский – гений, потому что он определил основные тенденции развития европейского образования. Удивительно: труды Я.А. Коменского были забыты почти сразу же после его смерти, а европейская школа развивалась в соответствии с его идеями. И это говорит о гениальности его учения. А в чем заключается педагогический гений К.Д. Ушинского?

Но К.Д. Ушинский более чем гений, он народный педагог русского, да и без преувеличения, подобно А.С. Пушкину в поэзии, всего русского народа. Уже вскоре после его кончины Л.Н. Модзалевский говорил: «Ушинский – это наш действительно народный педагог, точно так же как Ломоносов – наш народный ученый, Суворов – наш народный полководец, Пушкин – наш народный поэт, Глинка – наш народный композитор».

Понять, что такое народный педагог, еще труднее, чем понять, что такое педагогический гений. Не думаю, что Дж. Локка кто-то в Англии считает ее народным педагогом, а Руссо – народным педагогом Швейцарии или Франции, хотя без упоминания их идей не обходится ни один учебник педагогики, тем более истории педагогики. А вот А. Дистерверг – это народный педагог Германии, «учитель немецких учителей».

И в самом деле, почему народный поэт – это А.С. Пушкин с его 600-летним дворянством? Может, потому, что А.С. Пушкин – это совершенный русский человек? Об этом много размышляли Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский. Разумеется, да. Но в народности великого деятеля есть и нечто большее. Народным является человек, воплотивший в себе гений своего народа в какой-то жизненно важной области. Об этом очень точно сказал В.О. Ключевский в своей работе о преподобном Сергии Радонежском: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит

их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу» [6, с. 65].

Думается, что эти слова относятся не только к человеку, выводящему свой народ на вершины нравственности, но и к любому человеку, который выводит свой народ на историческую дорогу в той или иной области жизни. А.С. Пушкин – народный поэт, потому что в этом человеке во всем своем совершенстве выразился литературный гений русского народа. А.С. Пушкин таинственно связан с поэтическим гением русского народа, и благодаря этому с поэтическим началом каждого русского, да и каждого российского, человека.

Но в народном человеке есть и нечто большее, есть то, что органично связывает его с его народом в историческом развитии.

Видимо, именно этим определяются и народные святые, руководители народа, художники, ученые, воины. И неслучайно мы говорим о народных святых русского народа – преподобных Сергии Радонежском и Серафиме Саровском, праведном Иоанне Кронштадтском, блаженных Матронушке и Ксеньюшке, как ласково называет их народ. И неиссякаем поток людей, идущих к ним за помощью. Народный царь – Великий князь Владимир Красное Солнышко. И этот список, хотя он и очень короткий, можно продолжить. А почему К.Д. Ушинского люди считают народным педагогом России?

2. Судьба педагогического наследия К.Д. Ушинского в России

Одной из важных особенностей гениальных творений является то, что они живут своей самостоятельной жизнью. Воистину, по слову Ф.И. Тютчева, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Можно говорить о судьбе творческого наследия любого великого человека. Приведем только один пример. Философия Г.В.Ф. Гегеля после его кончины стала основой многих самых разных философских и социально-политических идей, от него отталкивался материалист Л. Фейербах и марксизм. И даже фашизм был сформирован вовсе не А. Гитлером, когда он вышел на арену политической жизни или даже когда он написал «Майн Кампф», а во многом на основе философии Г.В.Ф. Гегеля университетскими профессорами. После войны началось академическое прочтение его трудов. Но вместе с тем его философия во многом перестала быть живой философией.

Соответственно, и труды К.Д. Ушинского изучали совершенно по-разному. При этом именно о К.Д. Ушинском написано больше всего работ, по сравнению со всеми другими учеными психолого-педагогической науки. И это уже само по себе свидетельствует о значимости его наследия. Поскольку в статье невозможно даже перечислить список публикаций о нем (для этого потребуется несколько томов), то дадим только краткую характеристику основных этапов изучения его творчества.

Совершенно неоднозначно было изучение его творчества в дореволюционной России. И он, и его наследие подвергались – и это несмотря на дружбу с императорской семьей – правительственным гонениям: до революции его учебники официально были запрещены для преподавания в школе.

Но, вопреки административному запрету Д.А. Толстого и Министерству народного просвещения, его идеи шли в школу, а труды и теоретические и методические учебники до революции постоянно переиздавались. Так, его «Родное слово» до революции издавалось 146 раз, став самым переиздаваемым произведением за всю историю России. Удивительно, но даже его сугубо теоретический труд «Педагогическая антропология» до революции выдержал 13 публикаций.

Вопреки официальной позиции Министерства народного просвещения России и даже некоторых видных ученых, его знала и почитала вся Россия. И именно

благодаря педагогической и родительской общественности его идеи, его учебники входили в народное образование, и особенно в семейное воспитание.

Неоднозначным было отношение к творчеству К.Д. Ушинского и ученых-педагогов. Не все принимали и понимали его. Одни критиковали его за материализм, другие – за православие и т. п. Критиковали и его идею народности. Приведем в качестве примера анализ этой идеи П.Ф. Каптерева, который по-менторски учил Ушинского, что только общечеловеческое начало имеет подлинное значение для педагогики. И он упрекал К.Д. Ушинского в том, что в своей педагогике он свел все к национальному началу: «Народность воспитания Ушинский простирает очень далеко, до полной обособленности и исключительности воспитания у каждого народа» [5, с. 34]. Но попробуем продолжить мысль П.Ф. Каптерева об общечеловеческом начале. Возьмем в качестве примера преподавание языка. Если следовать П.Ф. Каптереву, то мы должны преподавать в школе общечеловеческий язык. Но что это такое – общечеловеческий язык? Либо тот язык, на котором говорили первые люди, а современная филологическая наука в принципе может восстановить его, либо язык эсперанто. И велики ли будут успехи учеников при изучении такого общечеловеческого языка?

Или он же пишет: «Ушинский слишком высоко ценил народность и сравнительно низко науку» [Там же, с. 35]. Но откроем самого К.Д. Ушинского и прочтем: «Только религия, с одной стороны, сердцем человека решающая мировые вопросы, и наука, с другой, в высшем бескорыстном, философском своем значении – могут открыть и на земле пищу бессмертному духу человека» [14, с. 354]. И где здесь принижение науки?

Удивительно, но до революции наука вообще забыла о его главной идее – принципе православия. Достаточно указать на блестящий доклад П.П. Блонского [1], сделанный им в Московском обществе грамотности (1914 г.), в котором нет даже намек на идею православия в педагогике К.Д. Ушинского.

Сразу же после революции К.Д. Ушинский был изгнан из советской педагогики и образования, как и большая часть русской классической культуры. О нем писали как о реакционере, поскольку, по словам А.П. Пинкевича, «он на знамени своем написал слова, являющиеся символом феодальной реакции, – церковность (православие) и народность (шовинизм); естественно, что он был и сторонником самодержавия» (цит. по: [8, с. 33]).

С начала 1930-х гг. Советский Союз во многом возвращается к дореволюционной классике, в том числе и к дореволюционной классической системе образования. Вместе с русской классикой был возвращен в советскую педагогику и К.Д. Ушинский. И учебники, которые писались теперь для школ, учитывали опыт учебников К.Д. Ушинского.

А по-настоящему он был возвращен в нашу культуру, образование и педагогику уже в годы Великой Отечественной войны. В это время К.Д. Ушинский впервые был официально признан государством, пусть и советским, народным педагогом России. В не самые легкие для страны годы – с 1948 по 1952 г. – издано академическое собрание его сочинений. И это было замечательное издание, почти идентичное авторскому оригиналу, за исключением «Родного слова», из которого были удалены тексты, связанные с православием.

В это же время началось подлинное изучение его педагогического наследия, которое осмысливали известные ученые-педагоги: В.А. Струминский, Д.О. Лордкипанидзе, Н.К. Гончаров и др. Нельзя не сказать о прекрасных работах С.Ф. Егорова, благодаря которому было издано шеститомное собрание сочинений великого педагога. Замечательный анализ его психолого-педагогических идей

дан в трудах великих советских психологов – Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова.

И только с 90-х гг. прошлого века стало возможно непредвзято изучать его труды, когда стали широко и без купюр издаваться его работы. Попыткой нового осмысления творчества великого педагога можно назвать книгу «К.Д. Ушинский и русская школа» [7].

3. К.Д. Ушинский – основоположник педагогической науки России

Общепризнано, что К.Д. Ушинский является основоположником *педагогической науки* в России. Но это утверждение нуждается в некотором уточнении: К.Д. Ушинский – основоположник педагогической науки, а не педагогического сознания, педагогической мысли русского народа, которые всегда были и развивались на протяжении всей истории русского народа. Великие педагогические идеи переданы русскому народу его великими святыми и государственными деятелями. Труды по педагогике были и до Ушинского. Например, «Руководство к педагогике» и «Руководство к дидактике» А.Г. Ободовского, замечательный «Курс общей педагогики» П.Д. Юркевича. В одно время с К.Д. Ушинским творят Н.А. Добролюбов, Н.И. Пирогов, Л.Н. Толстой и другие выдающиеся мыслители, обогатившие российскую педагогическую мысль многими важными открытиями.

И все-таки на фоне К.Д. Ушинского они оказываются в тени, подобно тому как остаются в тени гения А.С. Пушкина талантливые поэты его времени. И это можно объяснить в первую очередь тем, что он создал целостную педагогическую науку – от теории до учебников. Педагогика К.Д. Ушинского – это удивительное целостное органичное единство самой высокой теории, прекрасных методик и замечательных практик, представленных в его учебниках «Родное слово» и «Детский мир».

Теоретические труды – это его статьи и «Опыт педагогической антропологии». Время исторических реформ – благодатное время для теоретической гуманитарной мысли, так как само реформирование общества открывает истины, которые нельзя увидеть в обыденной, размеренно текущей жизни. Но есть здесь и свой недостаток для самой научной мысли: время реформ течет так быстро, что живущие в это время просто не успевают создавать фундаментальные труды. Чаще всего они отражают все в форме отдельных набросков. Они делают своего рода этюды происходящего. Но по своему содержанию и смыслу эти зарисовки нередко превосходят огромные книги, потому что в них нередко отражаются великие истины, которые открываются только на переходе исторических эпох.

Статьи К.Д. Ушинского – это подлинная педагогическая классика. И это объясняется не только его личным гением, но и тем, что К.Д. Ушинский как раз жил в эпоху коренных реформ России, в том числе и в образовании. И он более чем кто-либо из его современников-педагогов видел истины, которые открывало это время. В своих статьях К.Д. Ушинский переосмысливает существующее российское воспитание и образование, начиная с народного воспитания и заканчивая университетским образованием. И это он делает в широкой исторической ретроспективе, начиная с античности, и в контексте развития современных ему ведущих систем образования мира.

Заметим один важный момент: даже самый великий мыслитель не может выйти за пределы открывающегося ему горизонта, за пределы его исторического времени и пространства. Даже гений видит только то, что ему открывает жизнь, потому что даже гении ограничены своим историческим пространством и временем. Так, до XVII в. все обучение в западноевропейских школах, в том числе народных, шло на латинском языке. Я.А. Коменский доказывает *необходимость создания начальной школы* как

школы родного языка. А К.Д. Ушинский говорит о национальной школе Западной Европы как состоявшемся факте и анализирует развитие этой школы.

В то же время К.Д. Ушинский говорит о создании только *сословной национальной школы*. Так он говорит о женском образовании, а это он мог бы сказать и о мужском образовании: «Образование женщины должно соответствовать тому классу, к которому она принадлежит» [18, с. 487]. В начале XX в. на повестку дня мирового образования вышла проблема создания *единой*, разумеется, национальной школы. Но организация этой школы не анализируется К.Д. Ушинским, потому что на повестку дня она вышла во многих странах Европы через несколько десятилетий после кончины педагога.

Особое значение для педагогики имеет его «*Педагогическая антропология*» [22; 23], в которой, независимо от святителя Феофана Затворника, была разработана православная антропология. И это стало своего рода чудом – ведь К.Д. Ушинский не был профессиональным богословом.

К сожалению, судьба его «Антропологии» по-настоящему трагична. Во-первых, потому, что она оказалась незаконченной – ученый не успел написать третью, педагогическую, часть (первая часть – физиологическая, вторая – психологическая). Во-вторых, православное антропологическое учение о человеке как единстве тела, души и духа вскоре выпало из науки, потому что пришло время, когда наука не только выбросила всякое представление о духе, но даже о душе, провозгласив ее психикой, которая, в свою очередь, была объявлена функцией головного мозга. И тем самым подлинное требование К.Д. Ушинского о всестороннем познании человека свели к изучению его телесности, в лучшем случае с добавкой психических функций. Но как можно развивать и воспитывать человека всесторонне, если мы не знаем его в целом, потому что не знаем или знаем только частично его душу?

Методические работы. Особую часть педагогического наследия К.Д. Ушинского составляют его методические работы [19; 20; 21], которые стали не только руководством к его учебным книгам «Детский мир» и «Родное слово», но и основой методической науки России, которая со временем вышла на вершины мировой методической мысли.

Учебники К.Д. Ушинского – это тоже своего рода недостижимый педагогический шедевр. И это объясняется тем, что в них органично соединились высшие достижения теории и народного педагогического опыта, народной культуры, науки и классического искусства. В его учебниках во всей полноте были реализованы его педагогические принципы, в том числе и принцип народности. П.П. Блонский говорил об этом: «Поборник национальной русской школы, К.Д. Ушинский верно постигает значение языка в деле национального воспитания: язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. И из "Детского мира" и, особенно, "Родного слова" учившиеся по ним, благодаря великолепному подбору материала, действительно пили духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова» [1, с. 76].

И самое важное, что в своих учебниках, в том числе и для первоначального обучения, он на десятилетия опережал науку как отечественную, так и мировую. Об этом писали разные ученые, например П.П. Блонский. К.В. Журавлев отмечал: «Многие научные положения, считающиеся достижениями последующих поколений ученых, в явном или неявном виде, уже содержались в "Грамматике" Ушинского. Случайно или нет, но русские дети, учившиеся по пособиям Ушинского, стали выдающимися учеными, создавшими современную науку о русском языке, сформулировали основные положения "лингвистического мировоззрения" XX века, стимулировавшего развитие современного языкознания во всем мире» [3, с. 29].

Как мы знаем, важнейшим принципом образования является принцип научности, предписывающий использовать в содержании обучения и в самой организации образования науку. Но наука, как правило, начинает использоваться в средней школе. Ее нет или почти нет в начальном образовании. А чтобы в начальном образовании его содержание на десятилетия опережало науку – такого мировое образование не знает.

Самое же важное – учебники К.Д. Ушинского стали и до сих пор остаются в буквальном смысле подлинным эталоном учебников для российской школы.

Таким образом, педагогика К.Д. Ушинского – это теория и практика воспитания и образования, поставившие его в один ряд с гениями педагогической мысли человечества. Чтобы понять это, достаточно обратить внимание всего на один факт – насколько далеко ушел К.Д. Ушинский в развитии теории и практики народного (начального) образования в сравнении с глубоко почитаемыми им И.Г. Песталотци и А. Дистервергом.

В целом же его педагогическое наследие – это величайшая сокровищница великих идей, истин и открытий. И поэтому оно по-прежнему несет в себе колоссальный эвристический педагогический потенциал. И в силу этого оно и сегодня имеет живое и непреходящее значение для всего человечества и особенно России. И будет иметь его и в будущем.

4. Педагогические принципы К.Д. Ушинского – принцип народности, антропологический принцип и принцип православия – как сущностная основа его педагогических трудов

Если попытаемся понять, в чем состоит секрет органичного единства педагогического наследия К.Д. Ушинского, что составляет его идеальную основу, то мы прежде всего должны сказать о его знаменитых основополагающих принципах: принципе народности, антропологическом принципе и, самое главное, – принципе православия, которые органично объединяют в единую живую систему все его педагогические произведения. Попробуем понять, насколько нам это дано, что они значат в педагогике К.Д. Ушинского.

Самый известный его принцип – *принцип народности*. К сожалению, этот принцип нередко сводят к очевидной банальности, интерпретируя его в том духе, что К.Д. Ушинский ратовал за русскую народную школу, за сохранение отечественных традиций, традиций русского народа. И тем самым К.Д. Ушинского невольно сводят к славянофилам, о которых в широком общественном мнении сложилось и до сих пор бытует мнение, что это были ограниченные люди, русофилы, выступавшие за то, чтобы оградить Россию от просвещенного Запада, одеть всех русских в сарафаны и лапти и посадить их на квас.

На самом же деле славянофилы, начиная с И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, были одними из самых образованных людей Европы и, в отличие от западников, были лично знакомы с самыми великими ее мыслителями. Их главное открытие состояло в том, что они раньше всех в мире и почти на век раньше О. Шпенглера по-настоящему поняли главную болезнь Западной Европы – ее уход от христианства. Они говорили об этом очень много. И не только в своих теоретических работах. А.С. Хомяков, не только великий теоретик, но и прекрасный поэт, писал: «О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая / На дальнем Западе, стране святых чудес <...> Но горе! век прошел, и мертвенным покровом / Задернут Запад весь...» [25, с. 486]. Разве это не пророчество?! Современная Европа, вступившая в постхристианскую эпоху с точностью разве что только не в годы, исполнила пророчество славянофилов. И поэтому славянофилы, зная, что Запад ждёт гибель, уповали на Россию, потому что именно она сохраняла в чистоте христианство.

И как нет желания в широком общественном мнении понять славянофилов, так нет желания по-настоящему понять К.Д. Ушинского с его принципом народности, понять, что за этим принципом стоит не его личность, а великое теоретическое открытие. Да, он не скрывал, что является малороссом, о чем прямо говорил даже императору Александру II. В то же время он был, как и Н.В. Гоголь, до глубины сердечной русским человеком, позиционировал себя во всем исключительно как русский человек. И поэтому его педагогический принцип народности, безусловно, исходил из его глубочайшего патриотизма.

Но важно понять истину этого принципа, которая состоит в том, что К.Д. Ушинский, будучи, как и А.С. Пушкин, абсолютно русским человеком, никогда не был национально ограниченным человеком, но человеком универсальной – от античности до современности – общечеловеческой культуры.

Тогда почему К.Д. Ушинский настаивал на принципе народности в образовании? Это можно объяснить только тем, что принцип народности в педагогике К.Д. Ушинского – это не узко ограниченный национализм, не слепое ратование за свое, потому что это свое, а понимание, что *наиболее оптимальным является воспитание, построенное на национальных началах*, потому что «только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития» [11, с. 161].

Поэтому он доказывал, что именно народная культура, начиная с языка, должна быть основой содержания образования, потому что, «являясь... полнейшей и вернейшей летописью всей духовной, многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений» [16, с. 558].

И вот здесь вновь надо сказать о гениальном, теперь уже филологическом открытии К.Д. Ушинского. Так, начиная с античности и вплоть до В. фон Гумбольдта, слово понималось как условный знак, а язык как набор условных знаков. К.Д. Ушинский кардинально и совершенно независимо от В. фон Гумбольдта пересмотрел эту точку зрения. Он показал, что язык есть важнейшее проявление, компонент духа. Приведем пусть и большую, но воистину гениальную и пророческую его цитату. Он доказывает: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке – в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, – народа нет более» [Там же, с. 557].

Осознать всю значимость этого грандиозного открытия можно только в свете генетики, которая показала, что каждый человек несет в себе, в своих генах информацию о всех своих предках. Но человек несет в себе информацию о всех своих предках не только в генах, но и в языке. И поэтому он должен пониматься как живое, органично развивающееся духовное явление, а не набор механических знаков, «условных звуков». И вот почему *«не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель, оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ»* [Там же, с. 558].

Не трудно понять, что благодаря этому открытию *К.Д. Ушинский кардинально пересматривает всю теорию филологии и методику преподавания родного языка, доказав его фундаментальное значение для образования и воспитания человека.*

Следовательно, принцип народности – это *величайшая педагогическая истина*, открытая и обоснованная К.Д. Ушинским, ставшая важнейшим теоретическим принципом объяснения воспитания, организации образования, построения наиболее оптимального для развития человека содержания образования, в основе которого лежала народная культура – от родного языка до родной истории.

И этот принцип К.Д. Ушинский реализует во всех своих трудах, в том числе и прежде всего в своих учебниках. Об этом удивительном качестве, воплощенном в учебниках К.Д. Ушинского, П.П. Блонский писал: *«И все последующие десятилетия имя Ушинский будет чем-то заветным и животворным для русской народной школы, и, кто знает, не обязано ли русское общество значительной долей своего идеализма и своей любви к родному народу тому, что оно училось "по Ушинскому"»* [1, с. 76].

Говоря о значении принципа народности в теоретическом наследии К.Д. Ушинского, не менее важно понять и то (и в этом тоже состоял гений К.Д. Ушинского), что он раньше всех в мире определил *главную тенденцию развития европейского и мирового образования Нового времени – формирование национальных систем образования*, будь то Германия или Франция, Швейцария или Италия, Англия или США. К.Д. Ушинский понял, что высшие школы Европы – это во многом национальные школы, народные школы – это полностью национальные школы, и даже там, где, казалось бы, существуют одинаковые школы, а в Европе это классические гимназии, – это становящиеся национальные школы. Сравнивая классические школы в разных странах мира, он показывает, что классическое образование каждой страны имеет свою национальную специфику, соответствует национальным особенностям, национальному характеру каждого народа. И этот процесс формирования национальных систем образования, показывает К.Д. Ушинский, начался еще в конце Средних веков вместе с формированием национальных государств и национальной культуры.

И отсюда настоятельное требование развития народного, национального образования в России. Отсюда его известная статья *«О необходимости сделать русские школы русскими»*. Поэтому его требование сделать русские школы русскими было не каким-то узко ограниченным, кричащим национализмом, но требованием, *отражающим величайшую педагогическую истину: образование, построенное на народных началах, является наилучшим средством развития человека. И значимость этого открытия особенно возрастает от того, что этот принцип отразил ведущую тенденцию развития мирового образования Нового времени.*

И в этом понимании К.Д. Ушинский далеко опережал и европейских, и российских мыслителей.

Конечно, было бы неправильно считать, что К.Д. Ушинский был первым, кто говорил о необходимости построения национальной школы. Как здесь не вспомнить Я.А. Коменского с его доказательством необходимости создания «школы родного языка» (но у него школа родного языка – это только начальная школа), великого философа И.Г. Фихте с идеей национального образования, сформулированного в его знаменитых «Речах к немецкой нации»? Но это, скорее, утопический проект, это ответ немецкого гения и патриота на оккупацию Германии Францией.

К.Д. Ушинский *не просто призывал к построению национальной школы. Он понял, что создание национальных школ, развитие национального образования – это ведущая тенденция развития мирового образования. И именно в русле этой ведущей тенденции мирового образования должно было развиваться и российское образование.*

В то же время К.Д. Ушинский видел, насколько необходимы России и особенно ее образованию те или иные европейские достижения. Уникальная особенность его анализа мирового образования состоит именно в том, что зарубежную культуру, особенно педагогическую, он видел двояко. С одной стороны, он видел сущность того или иного педагогического феномена, а с другой – он оценивал это явление с точки зрения необходимости его использования в российском образовании. И он использовал достижения мирового образования и в своей теоретической работе, и в своих методических разработках, и в своей практической работе.

Но если так мало до сих пор понят принцип народности, то еще меньше понят второй великий принцип педагога – *антропологический принцип*. Да, все мы знаем его знаменитые слова: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [22, с. 23].

Но мы чаще всего не знаем, как понимал этот принцип сам К.Д. Ушинский. А самое важное в его антропологии состоит в том, что он создает по-настоящему православную антропологию. И чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его антропологию с антропологией святителя Феофана Затворника. Если мы хотим воспитывать человека, то мы не должны ограничиваться только развитием его тела и каких-то отдельных психических функций, а должны развивать его всесторонне и гармонично: и его тело, и его душу, и его дух. В свете этого невольно осознаешь, насколько узко, даже в трудах такого великого мыслителя, как С.Л. Рубинштейн, который работал в рамках материализма, пусть и диалектического, понимается этот принцип.

И мы уже абсолютно ничего не знаем об определяющем *принципе – принципе православия*. Этот принцип почти не замечался в дореволюционной России, критиковался в советской. О нем стали писать уже в русской зарубежной педагогике первой волны эмиграции. А возможность изучать этот принцип в России открылась только с 90-х гг. прошлого века.

Но вместе с этой возможностью появилась и новая беда, которая называется «ревность не по разуму». Она выражается в том, что некоторые современные исследователи вообще сомневаются в православии К.Д. Ушинского. И в своей ревности они не знают меры, доказывая, что его труды не являются православными, тем более не соответствуют святоотеческой антропологии и педагогике, потому что он, например, в своих работах не указывал имя Иисуса Христа, как это есть у святых отцов. Например, он писал: «Есть только один идеал совершенства, пред которым преклоняются все народности, это идеал, представляемый нам христианством» [11, с. 163]. Но, во-первых, если бы К.Д. Ушинский писал, как у святых отцов, то он и был бы святым отцом, а не Ушинским, а во-вторых, К.Д. Ушинский в других работах

говорит именно об Иисусе Христе. Но даже там, где он не упоминает имя Иисуса Христа, разве не понятно, о Ком идет речь в его трудах? Так, говоря о воспитании будущей матери, он пишет: «Чтобы мать имела перед собой живой и дорогой для нее идеал нравственного человека, к воплощению которого в своем дитяти могла бы стремиться, она должна быть истинной христианкой. Тот живой и вечно живущий Образ, который передает нам Евангелие, должен жить в ней, в ее чувстве, в ее мыслях, в ее привычках» [18, с. 486]. Какой Образ передает нам Евангелие?

И невольно хочется спросить: неужели мы в очередной раз будем уничтожать своего гениального педагога? Правда, если до революции и особенно в советское время его критиковали за чрезмерное православие, то теперь будем упрекать за якобы отсутствие православия, за то, что в его трудах нет того или иного термина святоотеческой антропологии. Да, если держать в одной руке труд по святоотеческой антропологии, а в другой – «Антропологию» К.Д. Ушинского, то увидеть отсутствие тех или иных терминов святоотеческой антропологии в его трудах очень легко. Более того, и сам К.Д. Ушинский в «Антропологии» писал, что в философии он стоит на дуалистических позициях. И дальше его можно обвинить в чем угодно. Например, в том, что он шел к материализму. Или, напротив, от него. П.Ф. Каптерев даже писал о его «грубом, почти средневековом дуализме».

Но куда важнее понять, что К.Д. Ушинский по духу абсолютно православный мыслитель. Если мы будем читать труды К.Д. Ушинского с открытым сердцем, увидим, что все, что создано им, начиная с «Антропологии» и заканчивая «Родным словом», воистину светится светлым, радостным, пасхальным православием. И поэтому, изучая педагогическое наследие К.Д. Ушинского, мы должны видеть в нем дух истинного православия. И в этом смысле очень хочется отослать к прочтению К.Д. Ушинского святителем Иоанном Сан-Францисским (Шаховским) [4].

На самом деле принцип православия – это и есть главный принцип всего учения педагога. Как бы высоко ни ценил К.Д. Ушинский принцип народности, но он доказывает, что есть и более высокий принцип. И этим принципом является христианство. Он утверждает: «Все, чем человек, как человек, может и должен быть, выражено вполне в Божественном учении, и воспитанию остается только, прежде всего и в основу всего, вкоренить вечные истины христианства. Оно дает жизнь и указывает высшую цель всякому воспитанию, оно же и должно служить для воспитания каждого христианского народа источником всякого света и всякой истины. Это неугасимый светоч, идущий вечно, как огненный столп в пустыне, впереди человека и народов; за ним должно стремиться развитие всякой народности и всякое истинное воспитание, идущее вместе с народностью» [11, с. 163].

Поэтому вся педагогика К.Д. Ушинского, начиная с его теоретических трудов и заканчивая его учебниками для «первоначального обучения», строится на принципе православия. И благодаря этому он даже свои учебники выстраивает в конкретном *православном, а также народном и природном* пространстве и времени (календаре).

Почему же такое громадное значение занимает православие в его творчестве? И вновь это легко списать на какие-то личные недостатки великого педагога: на необходимость добиться нужной ему лояльности от государства, а то и просто на желание выслужиться перед императорской семьей, просто на религиозный фанатизм и т. п. Но в том-то и дело, что К.Д. Ушинский был таким же искренне верующим человеком, как искренним атеистом был Н.Г. Чернышевский.

И вновь, как и в случае с народностью, подчеркнем, что православие К.Д. Ушинского определялось не только его личной глубокой и удивительно искренней верой, но прежде всего его теоретическими воззрениями, решением главной

теоретической и педагогической проблемы – обоснованием общечеловеческого начала в антропологии в целом и педагогике в частности.

Общечеловеческий принцип в общественных науках и в педагогике (по-другому – принцип гуманизма) – это величайшая истина теоретического поиска человечества. И в силу этого истиной общечеловеческого принципа является не вежливый компромисс и не формальный консенсус совершенно разных точек зрения на понимание сущности человека, а *истина* сущности человека.

Если попытаться максимально обобщить понятие общечеловеческого начала в европейской культуре и философии, то его можно определить как образ совершенного, автономного и самодостаточного человека. Такая точка зрения стала складываться в Западной Европе начиная со времен Фомы Аквинского. При этом в теоретическом мышлении в качестве общечеловеческого начала стало утверждаться античное понимание человека, абстрактно связанного с Богом, только в своем знании Бога. И с каждым годом этот взгляд утверждался все больше. В эпоху Возрождения античность в философии стала выходить даже на первое место – вспомним Платоновскую академию во Флоренции. И она, безусловно, стала доминировать в искусстве. Да, нельзя утверждать, что вся западноевропейская культура перешла на античность. Отчасти она опиралась на античность, и отчасти она оставалась в христианстве, но в целом Европа, создавая свое собственное мировоззрение и собственную культуру, в том числе и формируя свое представление о человеке, больше опиралась на античность, нежели на христианство. Чтобы понять это, ответим на вопрос: на какую философию прежде всего опиралась европейская философия? Безусловно, на античную больше, чем на христианскую.

Нисколько не отрицая высоких достижений античности, К.Д. Ушинский доказывает, что высшим уровнем развития человечества, в том числе и теоретического, является христианство. И его значение заключается не только в том, что христианство дало более глубокое понимание Бога и мира, чем античность, но и в том, что оно коренным образом изменило самого человека и мировоззрение людей, так что оно даже самых простых людей делало выше самых образованных язычников. Он писал: «В том-то и состоит великая заслуга христианства перед цивилизацией, каково бы ни было наше мирозерцание, что *христианство коренным образом изменило природу человека и отношение человека к человеку* (выделено нами. – В.М.), не требуя для этого ни высокой цивилизации, ни особенных знаний, ни особенно развитого ума: несколькими словами, понятными для народа, ставило оно дикаря выше образованнейших и мудрейших людей классического мира» [17, с. 38].

И значит, согласно К.Д. Ушинскому, именно христианство является истинным общечеловеческим началом, а истинным человеком, истинным идеалом человека – Иисус Христос. А истиной христианства является православие. И именно потому, что оно есть истинное христианство.

В целом же он совершил тот же теоретический подвиг, что и святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, которые открыли истинное значение не только православия, но и православного богословия в трудах Святых Отцов IV–VI вв.

Отсюда понимание основополагающего значения православия для всей жизни русского народа. Оно есть то, что позволяет жить всему русскому народу и особенно простому народу. К.Д. Ушинский писал: «Если русский крестьянин отличается теперь от дикаря, то этим он почти единственно обязан своей все-таки европейской, славянской природе, а еще более своему древнему христианству» [15, с. 433].

Православие есть и то, что всегда объединяло и объединяет всех русских людей, какого бы сословия и звания они ни были, между собой в единый народ. Он говорит о «нашей народности и нашей народной религии, соединяющих каждого из нас

с каждым русским, хотя бы он скрывался далеко от глаз наших, в самой темной массе народа или в самом отдаленном уголке нашей неизмеримой отчизны», как о «соединяющих нас с давно отжившими и грядущими поколениями, – словом, со всем тем, что дает нам прочное, историческое, а не эфемерное существование» [Там же, с. 487].

И во многих своих трудах он писал о самоубийстве для русского народа потерять православие и народность, он пророчески доказывал, что в этом случае «мы безумно подкопали бы корень векового растения и рассыпались бы потом сами, как рассыпаются листья с иссохшего дерева» [Там же, с. 483]. Напротив: «В христианстве есть и будет всегда источник возрождения народов, в какое бы положение ни ввергла их историческая судьба» [Там же, с. 49].

Православие является основой русской культуры, ее самых высших достижений. Ушинский спрашивает: «Посмотрите, откуда почерпнуты самые теплые, самые лучшие страницы наших замечательнейших писателей; откуда вылились самые душевные и трогательные страницы в произведениях Пушкина, Тургенева, Аксакова, Гоголя? Неужели из их общеевропейской, безличной образованности?» [Там же, с. 478–479]. И он с горечью замечает: «Как часто мы встречали безумные усилия завалить эти живительные родники, встречали рядом с удивлением к тем произведениям, которые из них произошли» [Там же, с. 478].

К.Д. Ушинский хорошо осознавал страшную опасность ненависти к своему народу и православию русской интеллигенции. А когда она эту ненависть несла ученикам, то он видел в этом опасный фактор разрушения воспитания и душ воспитанников. Он писал о таких воспитателях и таком воспитании: «Нет, это не значит воспитывать душу, а скорее разрушать ее; это не значит оплодотворять природу, а скорее делать ее совершенно бесплодной; нет, это не образование, а дикость, вандализм, потому что только варварам свойственно не иметь истории и разрушать драгоценнейшие ее памятники, истреблять все и не созидать ничего» [Там же, с. 475].

Увы, русскую интеллигенцию уже несло. И не трудно понять, что ее несет до сих пор. Конечно, далеко не всю. И не так, как западноевропейскую. Но в том же направлении.

Соответственно, поскольку не античность, а христианство является основой современной цивилизации, то не античность должна определять основу современной педагогики и современного образования, потому что «в классическом мире нет для нас образовательной, педагогической силы» [17, с. 41].

О значении христианства в развитии педагогики Ушинский писал: «Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве, и для нас нехристианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди» [15, с. 452].

Выясняя роль православия в российском воспитании и доказывая, что оно должно иметь определяющее значение и для всего русского воспитания, он призывает: «Мы желали бы, чтобы ни одно русское дитя не было лишено святого, отрадного, воспитательного влияния Православной церкви» [Там же, с. 478].

И это объясняется всесторонним воспитательным воздействием православия на формирование ребенка, начиная с благотворного воспитательного влияния на него самой Православной церкви: «Обряды нашей Православной церкви имеют великое воспитательное влияние уже и потому, что они сами собою, без посредствующих объяснений, обнимают детскую душу святым религиозным чувством, настраивают ее на возвышенный торжественный лад» [Там же, с. 479]. Благодаря этому Церковь воспитывает ребенка так, как не может воспитать его ни один педагог.

Оценивая в целом значение православия для русского образования, К.Д. Ушинский с полной убежденностью в правоте своих идей утверждает, что все русское воспитание и образование должны строиться на фундаменте православия: «Истинная, добросовестная наука, каковы бы даже ни были личные верования самого ученого, не только найдет возможность построить народное образование на прочной основе нашей народной религии, но, как величайшим сокровищем, как неисчерпаемым и уже существующим источником нравственного и умственного развития, будет дорожить этой историческою основой, столько же христианской, человеческой и художественной, сколько и народной» [Там же, с. 486–487].

К.Д. Ушинский показывает, что христианство должно быть основой содержания образования: «Если мы не ставим религию средоточием гуманного образования, то только потому, что она должна стоять во главе его» [17, с. 49].

Увы, самая важная часть педагогического учения народного педагога России была на десятилетия выброшена из российской педагогики. по нескольким причинам. Во-первых, по причине оголтелой неприязни православия некоторой частью интеллигенции. И в силу этого для нее Ушинский, как и Гоголь и Достоевский, был неприемлем. Во-вторых, в силу какой-то абсолютной теплохладности, классического, если угодно, равнодушия другой части интеллигенции, о которой в Апокалипсисе сказано: «Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!» (Откр. 3:15). И в-третьих, совершенно формальное, а нередко и полное безразличие к преподаваемому в школе Закону Божию у законоучителей. А ведь там, где Закон Божий преподавался как истинное Слово Божие, как Благая Весть, ученики и школы преображались. Вспомним массовый опыт дореволюционной церковно-приходской школы или Кронштадтскую гимназию, в которой Закон Божий преподавал Иоанн Кронштадтский. Как весомый фактор неприятия православия в школе отметим и то, что не было православие должным образом представлено в других школьных предметах.

Следовательно, К.Д. Ушинский обосновывает определяющее значение православия в образовании не как узкий религиозный фанатик, а как универсально образованный гениальный мыслитель, с позиций высших теоретических достижений человечества. Но, увы, «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13:57).

Таким образом, анализируя содержание педагогических принципов К.Д. Ушинского, можно утверждать, что они стали сущностной и смысловой основой его творений, потому что в них воплощены гениальные открытия, являющиеся вершиной развития общечеловеческой педагогики. Именно благодаря им педагогика К.Д. Ушинского является органично целостной системой.

Но, осознавая это, невольно хочется спросить и о другом: а что осталось в нашей педагогике и образовании от этих принципов К.Д. Ушинского?

5. К.Д. Ушинский и становление новой системы российского образования

В свете теоретических принципов, разработанных К.Д. Ушинским, можно понять и его учение о развитии российского воспитания и образования.

Осмысливая этот аспект его педагогического наследия, мы можем сказать, что К.Д. Ушинскому как педагогическому гению повезло в том, что в нем успешно сошлись его личный гений и историческое время – время коренных реформ всей жизни России, в том числе и образования. Поэтому правильно понять педагогическое наследие К.Д. Ушинского можно только в свете этих реформ, той роли, которую в них сыграл или, напротив, не сыграл К.Д. Ушинский. И поэтому, осмысливая

педагогическое наследие К.Д. Ушинского, мы, безусловно, лучше понимаем не только его судьбу, но и судьбу всего нашего образования, и судьбу нашей страны.

Анализ образования К.Д. Ушинский начинает с осмысления *народного воспитания*. И здесь он делает воистину гениальное открытие – выявляет, что базовой формой воспитания является народное воспитание, которое является такой же характеристикой народа или человека, как труд, как мировоззрение, как язык.

Но неужели простой народ создает воспитание? В ответ мы можем сказать то же, что К.Д. Ушинский писал о народном языке: «Но, в ответ на рождающееся в нас сомнение, из этой же самой – серой, невежественной, грубой массы льется чудная народная песнь, из которой почерпают свое вдохновение и поэт, и художник, и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое, с помощью науки и сильно развитой мысли, вдумываются филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова, несущегося из самых отдаленных, самых диких, невежественных времен» [16, с. 555].

Именно народное воспитание лежит в основе всех других форм воспитания и выражается во всех формах воспитания, подобно тому как народный язык появляется во всех формах и стилях языка. И К.Д. Ушинский пишет, что оно проявляется в общественном воспитании и что «в настоящее время каждый европейский народ имеет свою особую характеристическую систему воспитания» [11, с. 75].

Не является исключением и народное воспитание, созданное русским народом. Он доказывал: «Напрасно мы хотим *выдумать* воспитание: воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ, – с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другим» [15, с. 482].

Конечно, было бы неправдой утверждать, что никто до Ушинского не знал о существовании народного воспитания – о нем говорили уже в античное время. Тем более о нем говорили в эпоху Просвещения. Но именно К.Д. Ушинский делает *народное воспитание предметом специального теоретического изучения*.

И в новых исторических условиях К.Д. Ушинский призывает сохранять и развивать народное воспитание, поскольку оно является почвой всего воспитания: «Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись к ней же самой, к ее требованиям, силам, недостаткам; но пересоздать ее невозможно. И слава Богу! Какой странный хаос, какие враждующие противоречия, какие нелепицы, кажущиеся нам разумными сегодня и крайне глупыми завтра, появились бы в воспитании русского народа, если бы оно было послушным воском в наших руках. Всякая цельность в народе исчезла бы навсегда, и так его долговечность, в которой жизнь отдельного человека является минутой, а жизнь целого поколения одним днем, имеющим свои мимолетные слабости, прихоти и увлечения, была бы навсегда разрушена» [Там же, с. 482–483].

Воспитание существует в своих конкретных формах. И на первое место в учении Ушинского следует поставить *семейное воспитание*. Может быть, самое главное теоретическое педагогическое открытие К.Д. Ушинского – понимание истинной роли православной семьи в воспитании русского человека. Да, он хорошо видел и писал о недостатках русской семьи. И все-таки именно семья – доказывал он во многих своих работах – лучший институт воспитания. Православная семья – это величайшее сокровище русского народа, его величайшая святыня, это лучший институт воспитания, данный русскому народу Богом. Именно в семейном воспитании прежде всего воплощается народное воспитание. Переосмысливая роль русской православной семьи в воспитании в новую историческую эпоху, К.Д. Ушинский осознал всю ее бесконечную ценность и все ее непреходящее значение. Он писал, что многие

современные формы воспитания искусственны, и они «настолько же в состоянии заменить выросшую в истории нашей русскую религиозную семью, насколько натопленная комната способна заменить для растения его родимый климат и его родимую почву» [Там же, с. 479].

Он пишет о том, что ни в какой другой семье «нет той безыскусственности, той глубины и сердечности отношений, которые существуют между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и даже ближайшими родственниками во всякой сколько-нибудь порядочной славянской семье» [Там же, с. 471]. И добавляет: «В сфере-то этого, чисто славянского семейного чувства выросло сердце русского человека, и этому-то чувству обязано оно, быть может, своими лучшими качествами: теплотой, добродушием, желанием какой-то задушевности в отношениях» [Там же, с. 472].

Особую роль в воспитании он отводил матери. Эта позиция во многом определялась и воспоминаниями о его собственной матери, которую он потерял в детстве и память о которой поддерживала и хранила его всю жизнь.

И отсюда его требование всемерного сохранения и самого бережного совершенствования православной семьи и семейного воспитания. Пророческое значение этого требования становится понятным только в свете исторического развития русской семьи. Православную семью мы строили, точнее, возрождали более двух веков в самое жуткое время в нашей истории – время после монгольского разгрома Руси. К середине XVI в. православная семья была сформирована, что и отразилось в известном тексте «Домостроя». Благодаря созданию этой семьи произошло возрождение русского народа.

В середине XIX в. началась не только борьба с православием, но и настоящая война по уничтожению православной семьи. И для этого использовалось все, любой недостаток семьи. И, увы, в нашей стране традиционная семья во многом разрушена. *И это стало самой страшной катастрофой России за всю историю ее существования.*

Воспитание сирот. Принципы семейного воспитания педагог перенес и на сиротские институты. После Демидовского лицея К.Д. Ушинский вновь начал свою педагогическую деятельность в Гатчинском сиротском институте, который он кардинально реформировал. Он изменил саму атмосферу института, приблизив, насколько это было возможно, ее к семье.

И не менее важная заслуга К.Д. Ушинского в том, что он успешно реформировал образовательный процесс в Сиротском институте. Он организовал в институте начальную школу, что позволило детям успешно учиться в средней школе. А ведь от полученного образования в буквальном смысле зависела вся дальнейшая жизнь детей-сирот.

Начав работать в Смольном институте, он реформировал его прежде всего с точки зрения максимального приближения этого института к семье, вплоть до того, что он ввел каникулы, когда девочки возвращались в свои семьи. Об этой стороне своей работы он писал: «Никакое общественное заведение не может вполне применяться к способностям каждой воспитанницы (это возможно только для семейного воспитания), но чем далее в этом отношении пойдет заведение, чем более приблизится оно к семейному воспитанию, тем ближе оно достигнет своей цели» [13, с. 268–269].

И будучи за границей, он многократно убеждается в том, что лучшей формой организации воспитания детей-сирот является устройство семейных домов, потому что, попадая в такие дома, дети фактически обретали свои новые семьи. При этом «связь между воспитателями и воспитанниками-сиротами устанавливается на всю жизнь. В таком ли отношении находятся воспитанники наших сиротских заведений к этим громадным, сложным и дорогим учреждениям?» [18, с. 503]. И он писал, что

за границей никто бы просто не понял наши бессмысленные и ненужные траты на громадные казенные учреждения для детей-сирот, в которых дети чувствуют себя абсолютно потерянными.

Но Россия в организации воспитания детей-сирот к массовому семейному воспитанию перешла только с начала 90-х гг. XX в., то есть более чем через 100 лет после жизни великого педагога.

Дошкольное образование. К.Д. Ушинский, будучи за границей, видел, что в Западной Европе начинает создаваться система дошкольного образования. И он сам наблюдал работу первых детских садов, созданных по системе Ф. Фребеля. Поэтому К.Д. Ушинский сразу же и по-настоящему сумел понять суть и важное значение этого образования, оценить его достоинства и его недостатки, особенно его формализм. Он говорил о необходимости создания этой формы образования в России, предполагал идеи его правильной организации. И он поистине пророчески оценил будущее дошкольного образования, доказывая, что в нем «есть зерно правды, которое, с течением времени, очистившись от своей шелухи, ляжет в общую сокровищницу педагогических приобретений человечества» [Там же, с. 497].

Народное образование или начальная школа. XIX век – это борьба Европы за всеобщее народное образование. Фактически Европа в этом веке решала эту величайшую гуманистическую задачу человечества. В нашей стране эта проблема очень остро встала в середине XIX века. И К.Д. Ушинский, глубоко любящий свой народ, главным благом для него и делом всей своей жизни считал создание современной народной школы, системы массового народного образования.

В середине XIX в. число народных школ в России было незначительно. А само образование строилось по системе, которая сложилась еще едва ли не со времен Древней Руси. Между тем потребность в народной школе, соответствующей своему назначению, в середине XIX в. стала жизненно необходимой. И К.Д. Ушинский осознавал это как никто другой. Он писал, что сегодня время призвало к новой жизни 30 миллионов новых граждан России. И поэтому «в основу всяких прочных улучшений в народном быте, в основу всякого движения вперед цивилизации сельского населения должна, необходимо, неизбежно, лечь народная школа» [12, с. 254].

Между тем современной народной школы в России не было. Ее надо было построить. И ее, как писал Ушинский, нельзя было создать механическим переносом из-за границы: «Конечно, мы можем занять много полезных, педагогических изобретений у западных наших братьев, опередивших нас в образовании. Но дух школы, ее направление, ее цель должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характеру, его религии» [15, с. 448–449].

И буквально за несколько первых лет – с конца 50-х по середину 60-х гг. XIX в. – народная школа, столь нужная в это время, в России была построена. Да, она была создана трудом тысяч и тысяч педагогов, общественных деятелей, священников. Но фактически главным вдохновителем и творцом народной школы стал К.Д. Ушинский. Можно даже без преувеличения сказать, что она стала, говоря современным языком, его великим личным, авторским проектом.

Осмысливая все, что было сделано им, на первое место можно поставить разработку концепции народной школы. На века вперед его идеи стали эталоном в области развития начального образования. А его учебные книги для начального образования – «Родное слово» – стали эталоном для всех учебников и до сих пор им остаются. В планах педагога было создание всей линейки учебников для народной школы, но трагическая смерть помешала этому.

В целом же можно сказать, что благодаря деятельности К.Д. Ушинского народная начальная школа России стала *подлинной классической школой* в самом строгом смысле этого слова и *одной из лучших народных школ в мире*. А сам К.Д. Ушинский за этот подвиг получил звание «народного учителя России», «лучшего друга русской женщины».

Но самое удивительное – К.Д. Ушинский стал своего рода добрым гением для всей народной школы; он словно открыл дорогу в начальную школу многим выдающимся людям России – от С.А. Рачинского до В.А. Сухомлинского. Можно сказать, что после К.Д. Ушинского как будто бы весь педагогический гений русского народа стал работать на народную школу, в том числе и в советское время. И эта традиция продолжилась вплоть до 90-х годов прошлого века. Поэтому нельзя не видеть опасности отхода современной начальной школы от идей К.Д. Ушинского.

Среднее женское образование. Для России это была не менее острая проблема, нежели создание народного образования, потому что в России, за исключением отдельных частных женских школ, среднего образования не было. И эту проблему опять же решил К.Д. Ушинский, реформировав Смольный институт на кардинально новых началах.

По своему качеству среднее женское образование ни в чем не уступало среднему мужскому образованию, то есть классическому и реальному образованию. В его содержании упор был сделан на отечественную культуру и науку. Преподавались здесь и живые иностранные языки: французский и немецкий.

А вершиной этого образования стала организация профессионального педагогического образования, которое могла получить каждая девушка. Прежде всего это образование готовило девушек к полноценной работе на педагогическом поприще (а женщину К.Д. Ушинский считал «естественной учительницей») – учительницами народных школ или домашними воспитательницами. Все средние женские образовательные учреждения страны имели педагогические классы, в том числе и епархиальные женские училища, которые готовили учительниц для церковно-приходских школ. И такое образование было для многих девушек истинным благом, потому что давало по его окончании кусок хлеба насущного. А самое главное – оно позволяло им по-настоящему выступить на общественном поприще, включиться в общественную жизнь как истинным труженицам.

Но это образование К.Д. Ушинский рассматривал и с точки зрения семейного воспитания, ведь каждой девушке предстояло стать матерью, и она прежде всего должна была правильно воспитывать своих детей. К.Д. Ушинский считал, что именно мать должна была дать первоначальное образование своим детям. Для России, где гимназия начиналась со средних классов, только потом стали открываться прогимназии, это требование было более чем актуальным: далеко не все дворянские семьи в России могли нанять учителя, чтобы он дал первоначальное образование их детям.

В целом К.Д. Ушинский настолько успешно реформировал Смольный институт, что его концепция стала основой организации всего женского образования в России. Поэтому в 1860 г. в распоряжении главноуправляющего женскими учебными заведениями говорилось: «Правительство идет навстречу преобразованиям Ушинского и предполагает все свои учебные заведения реформировать на новых педагогических основаниях».

Не менее важной для России была и проблема создания системы высшего *женского образования*, потому что в новой исторической эпохе, в которую вступала Россия, женщина должна была полноправно войти в общественную жизнь. А для этого она должна была получить полноценное не только *среднее*, но и *высшее образование*.

Открытие высшего женского образования приветствовали многие выдающиеся люди в России, в том числе и Ф.М. Достоевский. Поэтому, реформируя Смольный институт, педагог хотел на его базе создать и высшую женскую школу. Если бы это ему удалось, то это была бы первая высшая женская школа в России.

Однако судьба высшего женского образования в России складывалась очень трудно. Сам К.Д. Ушинский не успел создать высшую женскую школу – его отставка сделала невозможной реализацию этого плана. Первые же высшие женские курсы в Москве были открыты только в 1872 г.

В середине XIX в., в период коренных реформ российского образования по всей стране шли очень острые дискуссии по вопросу *среднего мужского образования*, создания наиболее оптимальной средней мужской школы. В России, как и в Западной Европе, в образовании боролись две главные тенденции: классическая и реальная школа. Эта борьба началась едва ли не с момента создания реальной школы во второй половине XVIII в.

Среди выдающихся людей Западной Европы было много сторонников реального образования, но еще больше – сторонников классической гимназии. Можно долго перечислять великих деятелей XIX в., активно боровшихся за классическую школу: здесь Ф. Шиллер и И. Гердер, И.Г. Гете и Г.В.Ф. Гегель, даже К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, о содержании классического образования. Г.В.Ф. Гегель с великим восторгом писал: «Однако если принять, что исходить следует вообще из совершенного, то для более высокого образования должна быть и оставаться основой преимущественно литература греков и затем литература римлян. Совершенство и великолепие этих шедевров должны стать духовной купелью, светским крещением, придающим душе первые и остающиеся навсегда основные тона и краски во вкусе и науке. <...> Если первый рай был раем *человеческой природы*, то этот, второй – рай *человеческого духа*» [2, с. 402]. А Ф. Энгельс в своей знаменитой книге «Анти-Дюринг» упрекал Дюринга за то, что он «хочет упразднить знание древних языков, открывающее, по крайней мере для получивших классическое образование людей различных национальностей, общий им, более широкий горизонт» [27, с. 333].

Борьба же этих тенденций завершилась тем, что в странах Европы к концу XIX в. реальные школы получили равные права с классическими гимназиями.

И в России с 60-х гг. XIX в., когда стала быстро развиваться система классического и реального образования, вокруг средней школы шла ожесточенная полемика между сторонниками той и другой школы. В пользу реальной школы выступали многие известные демократические общественные деятели того времени. Наиболее ярким из них был Д.И. Писарев. Широко известны его статьи «Школа и жизнь», «Реалисты» и другие.

Однако большинство выдающихся мыслителей и общественных деятелей России выступали за классическую школу. В этой связи вспомним великого русского врача и педагога Н.И. Пирогова, который писал: «Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку; наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться; он не за свое не возьмется» [9, с. 37]. А школой, которая могла успешно решить эту задачу, с его точки зрения, могла быть только классическая школа.

И заметим, что классическое образование для учеников, способных освоить его, было настоящим счастьем, поскольку это давало любому человеку, хорошо закончившему гимназию, возможность успешно учиться в университете. Правда, детей, способных хорошо освоить классическое образование, было не так уж и много.

Российское государство в лице Министерства народного просвещения стало прежде всего насаждать классическую школу. И отнюдь не из-за слепой любви к консерватизму, как объясняли советские ученые. Вопрос был гораздо глубже. Здесь решался вопрос о жизни и смерти дворянства как класса. Д.А. Толстой, министр народного просвещения России, доказывал, что образование должно компенсировать дворянству то, что оно потеряло в ходе крестьянской реформы. И он весь свой недюжинный административный талант употребил на то, чтобы насадить классические школы, сделать их идеально работающими образовательными учреждениями, вплоть до того, что пригласил из-за границы сотни преподавателей классических языков.

Поскольку для К.Д. Ушинского на первом месте всегда было отстаивание не традиций, а истины, то в этой дискуссии он занял свою особую позицию. Он прекрасно понимал и доказывал, что классическое образование исчерпало себя, что время классического образования ушло. Но он не был и сторонником реальной школы, хотя и поддерживал ее как более жизненное образование.

Как альтернативу той и другой школе он предлагал народную, говоря современным языком, национальную школу, которая, по его мнению, и должна была быть истинной средней школой России. Он, вопреки лучшим умам Европы и России, доказывал, что не классическое, а национальное начало, национальная культура должна быть основой содержания образования средней школы, и прежде всего родной язык и литература: «Главным предметом в общем гуманном развитии современного человека должны стоять вовсе не классические языки, а родной язык и родная литература» [17, с. 46]. И легче сделать таковыми реальные школы. А классические школы он предлагал оставить для тех, кто хочет посвятить себя филологии. Он утверждал: «Мы признаем необходимость изучения классических языков не для всех тех, кто хочет иметь высшее, гуманное образование, но только для тех, кто хочет иметь ученое филологическое образование» [Там же, с. 46].

Обоснование приоритета национального, народного начала в построении средней школы России шло у него с позиций высших теоретических достижений человечества. Как известно, вершиной европейского теоретического познания всех социальных явлений с эпохи Возрождения в Европе стал принцип гуманизма, суть которого состояла в том, что именно человек является высшей ценностью и центром мира. И поэтому он должен быть исходной точкой понимания мира, в том числе объяснения общества, самого человека и, разумеется, образования.

Но какое образование лучше соответствует идее гуманизма? Большинство великих деятелей Европы начиная с эпохи Возрождения доказывало, что принципу гуманизма в наибольшей степени соответствует классическое образование, в основе которого лежала античная культура, и прежде всего классические языки. Такое образование, начавшее формироваться еще в XIV в. в Италии, в Европе в целом, было сформировано на излете эпохи Возрождения в XVI–XVII вв. Поэтому за классической школой была многовековая, начиная с эпохи Возрождения, традиция – олицетворять собой истинный гуманизм.

К.Д. Ушинский, обосновывая идею национальной школы, доказывал, что она в большей степени соответствовала высшему принципу европейской культуры – принципу гуманизма, потому что она более успешно развивает человека, начиная с первых дней обучения ребенка в школе.

Что же показала история? В начале XX в. даже самым ярким сторонникам классического образования стало ясно, что классическое образование при всем его совершенстве не может быть массовой средней школой; оно должно быть школой для избранных учеников – детей, наделенных особым филологическим талантом. Но по-настоящему Россия осознала всю правоту К.Д. Ушинского только в Первую

мировую войну, когда стала проигрывать войну во многом и потому, что не создала свою национальную школу, в отличие от других европейских стран.

Таким образом, классическое образование, при всем его совершенстве, не стало оптимальным образованием для всех. А ведь Д.А. Толстой создавал это образование для всех дворян. Увы, самый блестящий организаторский талант, когда он работает вопреки истине, способен только усугубить ситуацию. Так и произошло с усилиями Д.А. Толстого по развитию классического образования в России.

Особо отметим взгляды К.Д. Ушинского на *высшее образование*. И здесь К.Д. Ушинский следует истине. А она состояла в том, что если народное (начальное) и среднее образование в России он предлагал строить как нечто новое, то по отношению к университетам России он обосновывал совсем другой – строго охранительный – принцип. К.Д. Ушинский доказывает, что в России университет – это то, что соответствует своей идее. И поэтому он призывает «с величайшей осторожностью обращаться с единственным у нас плодотворным учреждением, которое устроилось у нас как-то само собой» [17, с. 55].

Главное направление совершенствования университета он видит не в кардинальном реформировании высшего образования, тем более создании его новых форм, а в органичном развитии существующих университетов: «Да, с величайшей осторожностью должны приступать мы не к коренным реформам, но даже к нововведениям в наших университетах» [Там же, с. 55].

Завершая обзор идей К.Д. Ушинского по реформированию разных уровней образования, важно сказать, что он разработал плодотворную концепцию *педагогического образования*, на основе которой и сегодня развивается система подготовки педагогических кадров России: блок духовно-нравственного воспитания; предметный блок дисциплин, то есть дисциплин, которые предстоит преподавать будущему учителю; система антрополого-педагогических наук и методик преподаваемых дисциплин; блок соответствующих педагогических практик.

В соответствии с этой концепцией строилась система педагогического образования в педагогических классах в женских средних учебных заведениях. В соответствии с его идеями открывались учительские семинарии. Мечта К.Д. Ушинского об открытии педагогических факультетов в университетах так и не сбылась в дореволюционной России, а массовое открытие педагогических институтов в России началось уже в советское время.

Таким образом, К.Д. Ушинский осмыслил работу всех институтов воспитания, от семейного до подготовки учителя, и предложил для каждого института свои конкретные оптимальные формы организации и способы их развития. При этом его подход к организации воспитания заключался в том, что он не навязывал свои идеи, свое учение, свою систему реально существующему образованию, но, осмысливая реальное состояние системы образования в России, направлял все свои усилия на то, чтобы развивать и совершенствовать прежде всего исторически сложившиеся формы воспитания и образования и только там, где это было действительно необходимо, создавать новые формы.

Оценивая в целом значение идей педагога для реформирования российского образования, необходимо отметить, что многие идеи его вошли в отечественное воспитание и образование, стали плодотворным началом их развития. Но многие так и не были реализованы.

И невольно хочется сказать: если бы российское дореволюционное образование следовало его идеям, если бы его идеи входили в жизнь при поддержке российского государства, а не вопреки ему, если бы Д.А. Толстой с его административным даром не боролся всю жизнь с К.Д. Ушинским, а после его смерти с его идеями, а работал над

воплощением его идей в жизнь, как бы далеко ушло российское образование! И как знать, может быть, и русской революции не было бы...

6. Траектория воспитательного процесса

Анализируя педагогическое учение К.Д. Ушинского, нельзя, хотя бы самым кратким образом, не сказать о его взглядах на траекторию педагогического процесса, начиная с воспитания ребенка в семье и до университета.

К сожалению, из современной педагогики выпал анализ траектории воспитания и образования. И это можно объяснить только тем, что в ней траектория воспитательного процесса сводится исключительно к формам и методам, в лучшем случае к технологиям воспитания и образования. Видимо, наиболее полно и глубоко проблема траектории образовательного процесса была разработана в учении Я.А. Коменского, где она была представлена в мировой педагогике в понятии метода образования как организации образования на протяжении всей жизни человека и функционирования всей системы образования. К сожалению, понимание метода образования в педагогике Я.А. Коменского в современной педагогике опять же ограничивается пространством современного понимания метода, то есть осмыслением непосредственного взаимодействия учителя и ученика.

Но если мы хотим понять *процесс воспитания и образования*, то должны понять его как целостный воспитательно-образовательный процесс, как *целостную траекторию воспитательного процесса* на протяжении всего воспитания и образования человека. Исходя из этого, укажем только три момента понимания траектории воспитательного процесса К.Д. Ушинским.

Осмысливая воспитание в целом, он приходит к самому важному выводу, что не образование определяет жизнь, а жизнь определяет образование: «Общественное воспитание не решает само вопросов жизни и не ведет за собой истории, но следует за ней. Не педагогика и не педагоги, но сам народ и его великие люди прокладывают дорогу в будущее: воспитание только идет по этой дороге и, действуя заодно с другими общественными силами, помогает идти по ней отдельным личностям и новым поколениям» [11, с. 165].

В то же время воспитание имеет громадное значение во всей жизни народа, поскольку воспитание «дело, скромное по наружности, – одно из величайших дел истории... на этом деле зиждутся царства и им живут целые поколения» [10, с. 32].

Во-вторых, очень важны его идеи совершенствования классно-урочной системы, технологий, форм и особенно методов обучения. К.Д. Ушинский – творец многих замечательных методов обучения, начиная со своего знаменитого аналитико-синтетического метода обучения чтению. А разве не остается глубоко истинной его методика параллельного преподавания русского и церковно-славянского языка, которую довели до совершенства С.А. Рачинский, С.И. Миропольский, другие российские педагоги?

В-третьих, это трудовой характер обучения. Он решительно выступал против модной тогда играющей педагогики, и даже активно полемизировал по этому поводу с Л.Н. Толстым, доказывая, что обучение только тогда выполнит свое предназначение, когда оно будет готовить ученика к самому главному в жизни – настоящему серьезному труду, который должен стать смыслом и счастьем всей жизни человека. А для этого оно само должно стать настоящим серьезным жизненным трудом. Он пишет: «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни. <...> Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни» [14, с. 348].

Заключение

Подводя итог того, что было сделано К.Д. Ушинским на педагогическом поприще, мы можем сказать, *в чём же собственно заключается педагогический гений К.Д. Ушинского и почему он народный педагог России.*

Как и другие великие мыслители – это был универсально образованный человек и замечательный аналитик. Но самое удивительное, что это был человек, обладающий просто пророческой интуицией. Приведем только одну его цитату. Незадолго до смерти он писал Н.А. Корфу: «И разве не видать, что Пруссия, эта многоученая и нравственная Пруссия, только еще раскрывает ворота в ужасное будущее для всей Европы, никак не исключая и нас? Если можно что предвидеть в человеческой истории, то я считаю войну России с Германией совершенно неизбежной, и если война французов с немцами показала так много зверства, то какова же будет война немцев со славянами?» [24, с. 214].

«Сделать как можно больше пользы моему Отечеству», – слова, записанные им, еще молодым человеком, в дневнике, были девизом всей его жизни. И эту свою мечту ему удалось реализовать на педагогическом поприще. Конечно, далеко не в той мере, в какой он бы мог это сделать. Но и то, что было сделано им в его 47 лет жизни, является чем-то подлинно великим, если учесть, что педагогический талант созревает гораздо позже, чем в других областях культуры: в искусстве, естественных науках. Если в математике возможен гений и до 30 лет, то в педагогике такое едва ли возможно. Им было действительно сделано бесконечно много по меркам обычного, даже талантливому человека.

Он *гений*, потому что *он следовал прежде всего истине воспитания*, а не каким-то преходящим обстоятельствам и даже традиции. Традиция для него была важна в той мере, в какой она несла в себе истину и соответствовала истине. Истиной был принцип народности в педагогике, и он отстаивал его в образовании. Устаревшим стало классическое образование, и он выступал против него, хотя классическое образование было освящено многовековой европейской традицией – за ней стояла вся европейская культура с эпохи Возрождения.

К.Д. Ушинский гениальный педагог потому, что он видел и творил педагогическую истину во всем – от описания развития мировых систем образования до конкретных методов обучения. И здесь он не просто опережал время, самое главное было в том, что он видел педагогическую истину. Там, где надо было опережать время, он требовал ускоренного развития образования, там же, где надо было хранить как зеницу ока какие-то формы воспитания (народное воспитание, семейное православное воспитание, университеты), он призывал и даже умолял хранить их.

К.Д. Ушинский был гением, необходимым в период коренных реформ российского образования, предложившим новую систему российского образования, которое должно было строиться на основе важнейших теоретических принципов: принципа народности, антропологического принципа, принципа православия. Благодаря этому в его системе органично соединились православная вера и народная культура, классическое искусство и высшие достижения науки с учетом самых передовых тенденций развития мирового образования.

К сожалению, судьба гения, и не только его личная, но и судьба его творческого наследия, в России всегда тяжела. Будь то А.С. Пушкин или М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь или Ф.М. Достоевский. Будь то судьба русских религиозных мыслителей, философов, начиная со славянофилов и В.С. Соловьева. И К.Д. Ушинский не был исключением.

Его жизненные взлеты заканчивались его падением в пучину бед и бедности. О себе он сказал: «Вот Петербург, в котором я голодал и дружил с императорами». Профессор Демидовского лицея в 21 год, а через несколько лет ничем не обоснованная отставка. С трудом найденная работа в Министерстве внутренних дел и новая отставка, потому что был закрыт стол, или, говоря современным языком, отдел, где он работал. И вновь случайная встреча с графом С.С. Ланским, который предложил ему работать в Гатчинском сиротском институте. Значительные педагогические успехи и благодаря этому перевод в Смольный институт. Всероссийская слава и последующее увольнение по обвинению в атеизме, что привело К.Д. Ушинского на грань смерти. В этот момент его спасло прямое участие в его судьбе императорской семьи, которая отправила К.Д. Ушинского на лечение в Европу, а формально для знакомства с женским образованием. Для К.Д. Ушинского это стало временем системного изучения западноевропейского образования и педагогики и временем расцвета его педагогического гения. Успешное лечение в Крыму и случайная смерть старшего сына, которая убила и самого К.Д. Ушинского.

Столь же трудно шло признание его творчества. Да, всероссийская признательность и любовь даже императорской семьи при жизни – многие его идеи принимались образованием и воспитанием. И в то же время правительственное непризнание, а подчас непризнание со стороны педагогической науки.

К.Д. Ушинский – *народный педагог* России, потому что он в большей мере, чем кто-либо, *воплотил в себе истину и правду русского воспитания*, подобно тому как А.С. Пушкин – истину русского языка. И это сделало его народным педагогом – истинным живым эталоном русского и в силу этого всего российского педагогического гения. Ведь подобно тому как А.С. Пушкин есть народный поэт всей России («и назовет меня всяк сущий в ней язык»), так и К.Д. Ушинский является истинно всероссийским народным педагогом, потому что на основе его трудов создавали свои системы образования и другие народы России.

Он народный педагог, потому что воплотил в себе во всей полноте и совершенстве педагогический гений русского народа, его сокровенные смыслы воспитания: любовь к Богу и ребенку, любовь к своей Отчизне и патриотизм, глубокую православную веру и безграничную любовь к русской семье и русской школе, к народной культуре, любовь и доброту и вместе с тем разумную требовательность к детям.

И все-таки, отмечая 200-летие со дня рождения К.Д. Ушинского, мы можем утверждать, что сегодня находимся в том же положении по отношению к нему, о котором сказал в 1914 г. П.П. Блонский: «Но сейчас, именно сейчас, в переживаемые нами дни, нам, русским педагогам, идеалы Ушинского должны быть особенно заветны, и сейчас более, чем когда-либо, нам время осуществить, реализовать его наследие вполне. Час уже бьет и для русской народной педагогики, и для русской национальной школы, и для русского народа с его культурой и языком как главным учебным предметом в этой школе. Но пока... пока, обращаясь к великому и непревзойденному русскому педагогу, мы скажем: Ушинский велик, а мы – его должники» [1, с. 78].

Но мы не должны все время оставаться его должниками. Мы должны (наконец-то!) достойно отблагодарить его. А это можно сделать только воплощением его идей в жизнь, в образование и воспитание. Это нужно нам, потому что и сегодня его идеи актуальны, истинны и жизненны. Поэтому наша задача – уметь понимать его идеи в свете тенденций развития нашего, уметь сверять наше образование с истинными критериями и эталонами образования, заложенными в педагогическом наследии К.Д. Ушинского. Гений потому и гений, что его труды учат нас видеть подлинную истину и следовать ей вопреки всем обстоятельствам и преградам. Поэтому наша

задача не просто чтить память К.Д. Ушинского, а всегда хранить его творчество как живое педагогическое наследие, развивать его.

А для этого его труды должны по-настоящему войти в российскую педагогику и образование, подобно тому как органично до революции во многие семьи вошли его учебные книги. И они должны органично развиваться во всем: и в теории, и в практике, в том числе и в подготовке учебников.

Конечно, для этого прежде всего требуется системное изучение его наследия. И оно еще ждет своего великого исследователя, подобно тому как творчество Ф.М. Достоевского дождалось М.М. Бахтина.

И думается, сегодня пришло время, чтобы в педагогические учреждения, готовящие учителей, был введен специальный курс «Педагогика К.Д. Ушинского». Педагогический гений России достоин того, чтобы в российской системе подготовки учительских кадров системно изучали его многогранное наследие, на основе которого эта система развивается.

А личным благодарением Константина Дмитриевича и одновременно лучшим подарком для педагогов всей России, наверное, может стать издание Полного академического собрания его сочинений.

Библиографический список

1. *Блонский, П. П.* Место К.Д. Ушинского в истории русской педагогики / П. П. Блонский // Блонский П. П. Избранные педагогические произведения. – Москва: АПН РСФСР, 1961. – 695 с.
2. *Гегель, Г.В.Ф.* Речи директора гимназии / Г.В.Ф. Гегель // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 томах. Том 1. – Москва: Мысль, 1972. – С. 395–416.
3. *Журавлев, В. К.* К.Д. Ушинский – основатель современной науки о русском языке / В. К. Журавлев // Учебные книги К.Д. Ушинского и современная школа: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Курск, 19–21 февраля 1997 г.). – Курск, 1997. – С. 29.
4. *Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ.* Памяти К.Д. Ушинского / Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. О тайне человеческой жизни. – Москва: ЛОДЬЯ, 1999. – С. 27–29.
5. *Каптерев, П.* Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели / П. Каптерев. – Санкт-Петербург: Русская школа. – 146 с.
6. *Ключевский, В. О.* Исторические портреты / В. О. Ключевский. – Москва: Правда, 1990. – С. 65.
7. К.Д. Ушинский и русская школа. – Москва: Роман-газета, 1994. – 192 с.
8. К.Д. Ушинский и русская школа. – Москва, 2007. – С. 33.
9. *Пирогов, Н. И.* Вопросы жизни / Н. И. Пирогов // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / составители А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенок. – Москва: Педагогика, 1985. – С. 30–51.
10. *Ушинский, К. Д.* О пользе педагогической литературы / К. Д. Ушинский // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 томах. – Москва: АПН РСФСР, 1948. – Том 2. – С. 15–41.
11. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании / К. Д. Ушинский // Там же. – С. 69–166.
12. Ушинский К.Д. Вопросы о народных школах / К. Д. Ушинский // Там же. – С. 250–262.
13. Ушинский К.Д. Проект преобразований в распределении классов Смольного института / К. Д. Ушинский // Там же. – С. 265–274.

14. Ушинский К.Д. Труд в его психическом и воспитательном значении / К. Д. Ушинский // Там же. – С. 333–361.
15. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании / К. Д. Ушинский // Там же. – С. 425–488.
16. Ушинский К.Д. Родное слово / К. Д. Ушинский // Там же. – С. 554–574.
17. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения Н.И. Пирогова / К. Д. Ушинский // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 томах. – Москва: АПН РСФСР, 1948. – Том 3. – С. 11–86.
18. Ушинский К.Д. Отчет о командировке за границу / К. Д. Ушинский // Там же. – С. 453–586.
19. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка / К. Д. Ушинский // Там же. – Том 5. – С. 333–356.
20. Ушинский К.Д. Родное слово. Книга для учащихся / К. Д. Ушинский // Там же. – 1949. – Том 6. – С. 237–336.
21. Ушинский К.Д. Руководство к преподаванию по «Родному слову» / К. Д. Ушинский // Там же. – Том 7. – С. 225–340.
22. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 1. / К. Д. Ушинский // Там же. – 1950. – Том 8. – С. 23.
23. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 2. / К. Д. Ушинский // Там же. – Том 9. – С. 17–562.
24. Ушинский К.Д. Переписка К.Д. Ушинского с Н.А. Корфом / К. Д. Ушинский // Там же. – 1952. – Том 11. – С. 200–217.
25. Хомяков, А. С. Мечта / А. С. Хомяков // После Пушкина. Сборник стихотворений русских поэтов. – Москва: Русская мысль, 1890. – С. 486.
26. Эккерман, И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / И. П. Эккерман; перевод с немецкого Н. Ман; [вступит. статья Н.Н. Вильмонта; коммент. и указатель А.А. Аникста]. – Ереван: Айастан, 1988. – 672 с.
27. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Энгельс Ф. Собрание сочинений. Издание второе. – Том 20. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 5–338.